

Стоит вспомнить — и сразу оно приходит,
сражение происходит в траве — и она не зелёная,
выше любой похвалы тирана
холмы прилегли словно годы,
тиран пожирает халву и трагически смотрит с экрана.

Ноябрь заденет веткой — всем дням наперекор,
где близна вся, как платок,
и небо молью выедено едко,
оставила для памяти давнишний разговор —
и почерк выплеснула к веткам.

Откуда ещё в отдаленье услышать стихи,
звонко — как прежде — били по рельсам к обеду.
Все дорожки в Париже сошлись в этот день
чужь бездну,
за вашу и нашу свободу — сознаньем лихим.

Хромоножка моя — ритм кузнечиков под ногами,
для кого, подсажи, эта рифма-ивановна ...
В римском потоке, иль в патоке зренья с годами,
хромоножка моя, не спеши,
всё здесь шатко и валко, а лучше — не надобно.

В траве, потерявшее время, так быстро —
как мячик от друга,
по наличию глаз, запряжённых их собственным смыслом,
тугая разлука в руках — лишь платок, комок переулка,
и щелчок шпингалета, как выстрел.

Церкви Шагала от взрыва взлетали над площадью,
и на площади всё теперь неуместно,
рамочка времени вьётся по-прежнему с помощью
ярко окрашенных слов —
в окуляре очков, предлагая вакантное место.

Нужно ведь думать, что коль человек между дел
на околице века свой шаг наконец-то оценит,
взрываются сумерки —
и кто видел, как блекла в сухой работе — цель,
она и приблизит того к Лютеции.

Иным словам отпущенная зрелость
была знакома не толькo нам вдвоём,
посколькy им — словам — всего-то нужно
сойтись со сквозняком,
как Дaль со словарём.

Кабы не было этих маятников — недоделанных дел,
то и истории не было, отцветали бы
Пушкин и Лермонтов — всюду сквозил пробел,
а потом Мaндельштам на холме
и курящая вечно Цветаева.

О них, о всех — вся ночь ноябрьская приложена,
лучше подумай, что в боли — горящий венец,
что веками сквозь лес и дворы Несмеяны
тропою нехоженой
знание пейзажа сезановским небом подправил кузнец.

Там в глубине вызревают семейства на милость
ещё от советских деньков, от присяжной тоски на полвека,
марева слов не хватает, косынка не сбилась,
не сбилась к обеду —
и в глазах поволока ЧК не поблекла.

Рассыпался мир на углы,
на дворы изнутри, на могучие льдины из тех —
что приходят консулом подворотен из мрака,
из красных узлов, из щелей, из-под глыб,
за туманными фразами — чётко рождается Прага.

В колючей своей суеверности крупных затей
был день как день —
такой же в общей сумме наших дней,
когда все ждали — и не выпал снег.

Р. С.: Послушай дождь, легко рукой потрогай
ограду — как тепла она навек.